

на готова отдать все ради того, чтобы перенестись к себе в деревню. И совершенно непохоже ведет она себя во сне. В Деревне и в Петербурге Татьяна так или иначе проявляет волю — во сне она только пассивно подчиняется обстоятельствам.

Ленский изображен в топосе Деревни, хотя духовно он во многом сформировался вне его границ, чем предопределена его гибель. Он погибает из-за конфликта между заемной книжной культурой и идиллическим сознанием. Знакомя с ним читателей, Пушкин говорит, что Ленский не имел *Охоты узы брака несть* [7, т. 6, с. 36], а вслед за этим сообщает, что он любит Ольгу Ларину и собирается на ней жениться. Он учился в Геттингене, но живет в Красногории. Поэт, но влюблен в прозаичную девушку. Был рожден для блага мира или для славы, но, может быть, для судьбы заурядного деревенского помещика. Сперва Ленский переносится в топос сна Татьяны и там погибает: перемещение из одного топоса в другой приносит смерть. После этого его смерть дублирована в топосе Деревни. Не пересекая границы, персонаж умереть не может.

Только в Деревне изображена Ольга. В отличие от Ленского, она здесь формировалась от начала до конца. Уход Ольги за предел идиллического мира Деревни (он тоже подготовлен ее мимолетным появлением в сне Татьяны) оплакивается ее матерью и сестрой так, будто она умерла. Ольга выходит замуж и покидает родной дом. Казалось бы, это событие радостное, во всяком случае, естественное. Между тем оно представлено так, словно мать и сестра провожают ее в последний путь:

Слезами горько обливаясь,
Старушка, с дочерью прощаясь,
Казалось, чуть жива была,
Но Таня плакать не могла;
Лишь смертной бледностью покрылось
Ее печальное лицо. (...)
Увы! подруга стольких лет,
Ее голубка молодая,
Ее наперсница родная,
Судьбою вдаль занесена,
С ней навсегда разлучена.

[7, т. 6, с. 143—144]

Над этой сценой витает традиция «воя» из крестьянского свадебного обряда, которая, в свою очередь, соприкасается с традицией похоронных причитаний. С житейской точки зрения необъяснимо, почему мать и сестра разлучаются с Ольгой навсегда. Так велика власть художественного пространства в романе: покинув свой топос, Ольга вообще больше не появится на страницах «Евгения Онегина»; она словно бы умерла.

Слабую проницаемость границ топосов демонстрирует расстановка родственных пар. Отец Евгения принадлежит только Петербургу; его брат, дядя героя романа, — только Деревне. «Сколько можно бы написать комментариев, — заметил Л. В. Пумпянский, — к этой истории предпоследнего поколения Онегиных» [17, с. 214]. Наличие московской кухни оттеняет принадлежность Деревне матери Татьяны и Ольги; в старину княжна Алина оказала сильное, хотя и поверхностное влияние на формирование мировосприятия будущей жены деревенского помещика; став образцовой помещицей, Ларина забыла княжну Алину; в Москве Татьяна с матерью останавливаются все у той же княжны Алины; и мимолетные воспоминания о далеком прошлом выявляют чуждость московскому миру не только Татьяны, но и ее матери. Художественное пространство разделяет двух братьев, двух кузин, двух сестер.

На первый взгляд может показаться странным, что в романе Пушкина топосы, так сказать, ирреальные — сна Татьяны, Леты — стоят в одном